

— Возможно, при виде других я могу сдерживать свои желания, но при виде тебя это не получается.

Уголки губ Чанлэ слегка приподнялись, и она сделала шаг вперёд, но Цинь Вань оттолкнула её.

Цинь Вань, сохраняя полную серьёзность, произнесла:

— Одежда помнётся, и это заметят.

Чанлэ прислонилась к стене, уперев руки в бока, и посмотрела на неё:

— Госпожа Цинь имеет в виду сначала снять их?

— Ваше Высочество Чанлэ принесла с собой сменную одежду? — в голосе Цинь Вань, сквозь всю серьёзность, пробивалась лёгкая кокетливость.

— Сияние парчовых одеяний, украшения из яшмы и нефрита — одежда лишь подчёркивает красоту госпожи Цинь, — Чанлэ же в своих словах явно дразнила её.

Они знали друг друга с детства, можно сказать, были привязаны друг к другу с ранних лет. Чанлэ, которую покойный император воспитывал в свободной манере и которая пользовалась благосклонностью Её Величества, имела непокорный характер.

За столько лет её характер почти не изменился, особенно после замужества она стала ещё более раскованной. Цинь Вань уже привыкла к её дразнилкам и не обращала на них внимания, вместо этого подошла к ложу и потрогала одеяло:

— Одеяло в доме Линь очень мягкое.

— Что, понравилось? Я попрошу Линь Жань подарить тебе десяток таких, это не проблема. Ты же хотела снять одежду, почему до сих пор не сделала это?

Чанлэ подошла ближе и, стоя рядом, ткнула пальцем в её мягкое место.

Цинь Вань не двигалась. Тонкие пальцы Чанлэ, будто без костей, медленно скользили по её плечу. Она смотрела на неё с нежностью, словно вода, и всё ещё не двигалась, лишь сказала:

— Кто только что торопился? Кто торопился, тот пусть и раздевается первым.

— Ах, точно, ты не торопишься?

Чанлэ ткнула её несколько раз, затем сдернула одеяло.

— Впредь, когда я рядом, не смей хвалить других.

— Линь Жань — твоя племянница, ты ревнуешь?

Цинь Вань приподняла бровь, и её кокетство стало ещё более явным.

— Какая она мне племянница, максимум — «сестрёнка», — Чанлэ презрительно фыркнула, потопталась на толстом ковре на полу, обнаружив что-то новое, затем снова разложила одеяло.

— Ты похвалила кровать, и она мне больше не нравится. На полу как раз хорошо.

Погода в мае была не холодной, и в комнате не было жарко. Несколько слоёв ковра на полу

делали его более удобным, чем ложе.

Цинь Вань же сказала:

— Я тоже похвалила одеяло, так что ты можешь убрать и его.

— Когда ты его хвалила? — спросила Чанлэ.

— Только что, — Цинь Вань намеренно дразнила её. Ковер, возможно, был не самым чистым, и Чанлэ точно не стала бы им пользоваться.

Чанлэ провела много лет в Башне Плывающих Облаков и хорошо разбиралась в делах постели. Осмотрев комнату, её взгляд остановился на диване, где могли бы поместиться двое, хоть и с небольшим трудом, но спать там всё же не собирались.

Она указала на диван:

— Как насчёт этого?

Цинь Вань, сохраняя серьёзность, осмотрела его и кивнула:

— Сойдёт.

Чанлэ приподняла бровь:

— Сойдёт? Тогда почему ты до сих пор не раздеваешься?

Цинь Вань отказалась:

— Разве не ты должна меня обслуживать?

— Ладно, — Чанлэ не стала спорить с её капризами и добавила. — Я буду обслуживать тебя здесь, а ты пойдёшь туда голой, или ты пойдёшь туда, а я потом буду тебя раздевать?

Эти слова были слишком откровенными, и сердце Цинь Вань дрогнуло. Её лицо покраснело:

— Это то, чему ты научилась в Башне Плывающих Облаков?

— Там каждый день показывают живые сцены весенних утех, это очень увлекательно. Если хочешь, я могу сводить тебя туда, но только смотреть, трогать нельзя, — Чанлэ сделала шаг вперёд и поманила её пальцем.

Цинь Вань была словно воздушный змей, нить которого держала Чанлэ. Она манила её, и Цинь Вань шла за ней.

В доме Линь было тихо, их охрана скрытно наблюдала за всем. Благодаря положению семьи Линь в городе Лоян, никто не посмел бы устроить беспорядки в этот день.

Поэтому они не боялись, что кто-то ворвётся.

Когда Цинь Вань подошла, Чанлэ ткнула её в поясницу:

— Начнём отсюда?

Цинь Вань высокомерно ответила:

— Как хочешь.

— Ты напоминаешь мне одну фразу, — Чанлэ быстро сняла верхнюю одежду.

Одежда Цинь Вань была сложной, в отличие от простой народной, придворные наряды были изысканны и замысловаты, но это не стало препятствием для Чанлэ. Она сбросила верхнюю одежду в сторону и смотрела на её прекрасную фигуру:

— Человек — рыба, я — нож и разделочная доска.

— Кто тебя учил стихам? — Цинь Вань была недовольна.

— Та учительница давно умерла, зачем о ней говорить, — Чанлэ говорила, но руки её двигались быстрее, снимая одежду. К тому времени, как она закончила предложение, на Цинь Вань осталась лишь тонкая рубашка.

Она улыбнулась, явно довольная.

Цинь Вань не чувствовала смущения. После того как она видела, как действует Её Величество во дворце, она не испытывала отвращения к любовным утехам. Её соблазнительный взгляд был непреодолим.

Её кожа была настолько белой, что трудно было подобрать слова для описания её красоты. Чанлэ на мгновение задумалась, как бы её подразнить, но, не найдя подходящих слов, просто подняла её на диван.

Цинь Вань сохраняла спокойное выражение лица, словно это её не интересовало. Она сказала:

— Мне стоит найти тебе зеркало, чтобы ты посмотрела на свою соблазнительность и осталась ли бы ты такой же спокойной.

Это была шутка. Цинь Вань указала на бронзовое зеркало:

— Если у тебя есть силы, принеси его сюда.

Зеркало было прикреплено к туалетному столику, и, возможно, Синьян смогла бы его сдвинуть, но Чанлэ точно не смогла бы. Её слова задела Чанлэ:

— Если ты ещё сможешь так издеваться надо мной, я не буду искать тебя целый год.

Цинь Вань спросила:

— Тогда ты пойдёшь к другим девушкам?

— Конечно нет, я слишком дорожу своей чистотой. Кроме тебя, я лишь развлекаюсь, максимум — трогаю ручки, — Чанлэ смотрела на слегка накрашенную девушку, её тонкие брови придавали ей ещё больше очарования.

Когда тонкая рубашка была снята, Цинь Вань уже не могла сохранять прежнее спокойствие и нахмурилась:

— Ты не должна так делать.

— Госпожа Цинь сама напросилась. Ты могла бы продолжать дразнить меня словами, но я не

из тех, кто ограничивается лишь прикосновениями к рукам...

Дыхание сквозь зубы заставляло её терять контроль, словно весенний гром, который сначала грохочет в небе, предупреждая людей, чтобы они готовились: кто-то убирал одежду, кто-то искал укрытие под карнизом, чтобы переждать дождь. Но если ждать, пока гроза начнётся, будет уже поздно.

Цинь Вань ждала, пока гроза начнётся, и только потом решила искать укрытие.

Но под карнизами уже не было места, и ей пришлось промокнуть под весенним дождём. Она только открыла рот, чтобы ругнуть небо, как грянул гром, заставив её замолчать.

Она молчала, боясь, что ещё один гром свалит её с ног, и она не сможет подняться.

Тогда она будет плакать без слёз.

Весенний гром всегда застаёт врасплох, но он редок. Цинь Вань раньше думала, что, когда это случится, она испугается.

После глубокого вздоха Чанлэ подняла глаза и посмотрела на неё:

— Я могу сдвинуть зеркало?

Цинь Вань стиснула зубы. Даже старые лисы при дворе не могли сравниться с её хитростью. Она молчала. Чанлэ коварно улыбнулась, ткнула её пальцем в нос, с нежностью:

— Не можешь?

Кожа Цинь Вань стала розовой, сверху донизу. Она сама видела, как на её руках появились красные следы, и кусала губы, не говоря ни слова. Она привыкла к несерьёзным словам Чанлэ, которые всегда заставляли её смеяться.

Она смотрела на человека перед ней, на носу которого выступили капли пота, и с улыбкой сказала:

— Не-мо-гу.

Между лёгкой улыбкой и глубоким вздохом витали ароматы, в этой соблазнительной сцене были и яркие, и чистые оттенки, каждый со своим очарованием.

— Если я смогу сдвинуть его, ты сегодня не пойдёшь на свадьбу.

Цинь Вань также не чувствовала раздражения. То, что хотела услышать Чанлэ, она не говорила. Как в детстве, когда она выводила её поесть, а после еды спрашивала, взяла ли она с собой серебро.

Такое могла сделать только она. В итоге обеих задержали в таверне, и по возвращении домой их хорошенько отшлёпали.

В глазах Цинь Вань Чанлэ никогда не добивалась успеха в серьёзных делах.

Цинь Вань не была из тех, кто легко сдаётся. Даже после долгих мучений от Чанлэ она не меняла своих слов. Её упрямство Чанлэ увидела много лет назад в тюрьме. Вся в ранах, она не проронила ни слова.

Гроза пришла быстро, без всякой нежности, и Чанлэ немного пожалела об этом. Поцеловав уголок её губ, она сказала:

— Кажется, у тебя есть что-то на душе.

Тело Цинь Вань расслабилось. Она указала на одежду рядом:

— Одень меня, и я расскажу, что у меня на душе.

Чанлэ покорно выполнила свою работу. Она сама раздевала её, и теперь безропотно одела, без единой жалобы. Однако в процессе одевания Цинь Вань снова не смогла сдержать лёгкую дрожь.

Одежда была на ней, но на шее оставались заметные красные следы. Чанлэ снова сняла с неё верхнюю одежду и нанесла пудру, чтобы скрыть следы.

Теперь её движения стали более нежными. Цинь Вань была словно кукла в руках ребёнка, позволившая ей делать всё, что угодно, сохраняя при этом хорошее настроение. Она оперлась на подушку, слегка закрыв глаза, погружённая в свои мысли.

После долгого молчания она наконец заговорила:

— Чанлэ, наследный принц не удержит своё положение.

Все эти годы многие силы втайне поддерживали наследного принца, даже последние слова герцога Ло были о том, чтобы сделать всё возможное для его сохранения. Он был надеждой для всех, словно путеводная звезда.

<http://bllate.org/book/16862/1553902>